

АРХИТЕКТУРНАЯ ГОЛОВА

Президенту Союза архитекторов России Юрию Гнедовскому — 70 лет

Недавнейшая из — 2000, — Гидра. — 67

Иван Езерский

ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ ГНЕДОВСКИЙ — фигура, безусловно, трагическая. Как, впрочем, любой другой советский архитектор. Потому что если ты не хочешь «советским» — оставаться архитектором было нельзя, как нельзя гротить «в стол». То есть, конечно, можно — в ситуации «бумажников», но для этого надо было быть абсолютно уверенными в правоте своего дела и в неправоте окружающей действительности. А Гнедовский — это все-таки совсем другое поколение: он учился в Архитектурном еще при Сталине, диссертацию защищал при Хрущеве, строить начал при Брежневе. То есть, сначала надо было быть классиком, потом — модернистом, потом — бруталистом. Какая уж тут позиция.

Главным шедевром Юрия Петровича считается театр другого Юрия Петровича — Таганка (1974—1985 гг.; в соавторстве с Александром Анисимовым и Борисом Таранцевым). Все в нем вроде бы правильно. И старое здание не снесли, чем проявили уважение к истории, и градостроительную доминанту пытались сделать — что было очень нужно в этом месте, и внутри все очень круто. Наконец, здесь был дан бой «интернациональному» стилю с его обезличенными стеклянными призмами: вместо этого появились суровый кирпич, глухие стены и врезанные в них острые углы, символизирующие, по-видимому, диссидентство любимовского театра. Но уже само по себе строительство такого роскошного дома для оппозиционного театра кажется странным. И некоторая невятность его архитектурного образа (в памяти остаются нагромождения кирпича да Высоцкий в аквариуме внутреннего двора) становится сродни любимовской стилистике. Когда достаточно было произнести цитату из Шекспира с многозначительной интонацией, чтобы зал оценил намек и

Новое здание Театра на Таганке — детище юбиляра Юрия Гнедовского. Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

взорвался аплодисментами. Так и здесь: все понятно — про что и против чего, но одних тезисов для архитектуры мало. А потом уж как-то больно грустно выглядит история обретения шестидесятническими театрами новых зданий, как-то уж слишком очевидно связана она с их деградацией — что Таганки, что «Современника».

Конечно, в этом смысле здание театра весьма символично. Отражает дух времени, метафоризирует его противоречия и т.д. Эту фразу сейчас очень любят повторять защитники церетелевского Петра: жуть, мол, конечно, но как верно передает разброд и шатания нашего сегодня! Не менее верно передает их и комплекс «Красные Холмы» — построенный Гнедовским на другой

стрелке Острова. Опять-таки понятен и справедлив замысел: и высотный акцент тут был нужен, и краснокирпичье вполне естественно, и перекличка с башнями Новоспасского монастыря логична — отчего ж такая беда-то получилась? Зачем были усечены три эти башни? Зачем они увенчаны такими жалкими конусиками? Зачем эти стеклянные полосы? Нет сомнений, что Юрий Петрович, человек интеллигентный и образованный, хотел как лучше. И грустно, что получился у него ярчайший символ «московского стиля».

Но это — взгляд москвича, пристрастного и субъективного. Кому-то такая архитектура, наверное, нравится. Недаром Юрий Петрович имеет столько наград и званий,

сколько ни один другой русский архитектор: он заслуженный архитектор РСФСР, действительный член трех академий, почетный член двух международных институтов, лауреат Госпремии. А в этом году он получил премию президента РФ. Кроме того, он член Президентского совета по культуре, член Комиссии по Госпремиям, член Совета по архитектуре при мэре, член президиума Градостроительного совета, член Координационного совета МАСА и Совета МСА. И, наконец, президент Союза российских архитекторов. Ведет большую общественную работу, ратует за проведение архитектурных конкурсов, отстаивает художественную составляющую архитектуры.

Поздравляем!